

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА И НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Л.В. Никифорова

Александровская слобода расположена на пути из Москвы в Переславль, в 40 км от Троице-Сергиевского монастыря. Эти земли издавна принадлежали московским князьям, а в начале XVI столетия появилась резиденция великого князя Василия III. Строительство Новой Александровской слободы началось сразу же после завершения грандиозной перестройки Московского Кремля, создания новых храмов и царских палат вокруг Соборной площади. Василий III «перешел на житье» в новые московские палаты в 1508 году, а в 1513 состоялось новоселье в Александровской слободе. Существует письменный источник, фиксирующий эту дату – запись на полях богослужебного сборника, сделанная игуменом Троице-Сергиева монастыря Памвой Мошным, об освящении на протяжении двух с половиной недель, с 28-го ноября по 15-е декабря 1513 г., нескольких церквей в монастыре и его окрестностях, в том числе – Покровской церкви в Новом селе Александровском. Эта же запись, как считается, свидетельствует и о новоселье в Александровской слободе: «Тогда ж князь великий и во двор вшел»¹.

Другим знаменитым хозяином Александровской слободы был Иван Грозный, который сделал слободу опричной столицей. С 1565 здесь размещался государев двор, об устройстве которого и образе жизни сохранились свидетельства многих иностранцев. После 1580 года, когда Иван Грозный вернулся в Москву, слобода. В середине XVII века на территории Слободы был основан женский Успенский монастырь. В нем бывали многие цари из рода Романовых: Михаил Федорович, Алексей

Михайлович, Федор Алексеевич, Петр Алексеевич. Цари были ктиторами Успенского монастыря и проявляли о нем особую заботу – обитель, «устраивалась и содержалась более от щедрот царских»². Монастырь получал значительную денежную и хлебную ругу (содержание из государевых доходов), к нему были приписаны мельницы, крестьянские дворы, пастбища и угодья³. В царствование Федора Алексеевича и его иждивением в монастыре был выстроен и богато отделан келейный корпус, предназначенный для царских визитов⁴. В 1689 году во время стрелецкого бунта в Москве за стенами обители укрылся Петр Алексеевич.

Как писал Н.С. Стромиллов, начиная со времени Петра I, Александрова слобода превратилась «из государева моления в государево заточение» – место ссылки повинных особ царского семейства⁵. Здесь была пострижена под именем Маргариты сестра Петра I Марфа Алексеевна, оказавшаяся причастной к стрелецкому бунту, она прожила в монастыре до своей кончины, наступившей в 1708.

Знаменитой узницей Слободы была цесаревна Елизавета Петровна, дочь Петра I, будущая императрица. Ей удалось избежать пострижения в монастырь, но Анна Иоанновна отправила соперницу подальше от столицы в цесаревнину вотчину. Слобода досталась Елизавете по наследству от матери – императрицы Екатерины Алексеевны⁶. Елизавета прожила в Александровской десять лет и отсюда отправилась венчаться на царство. Жила Елизавета за пределами монастыря и бывшего государева двора – на другом берегу реки Серой на Торговой стороне, где напротив тогда еще деревянного Христорождественского собора были построены «хоромы на каменном низе»⁷.

Сейчас в Александровской слободе на территории, где соседствуют музей-заповедник и Успенский женский монастырь, расположены четыре церкви XVI века – Покровский собор (ныне Троицкая церковь), шатровая Троицкая (ныне Покровская)⁸ церковь (единственная церковь с росписью

внутренней поверхности шатра), Успенская церковь с двумя приделами и звонницей, Распятская колокольня; и пять небольших каменных палат XVI века. Это все, что осталось от государевых дворов Василия III и Ивана Грозного после разорения во время Смуты и после того как в конце XVII века с царского согласия каменные палаты бывшего государева двора были разобраны на строительство келий.

О дворе Василия III в Александровской слободе историкам известно давно, однако государствообразующие функции этого ансамбля стали понятны не сразу. Долгое время считалось, что двор Василия III был небольшим путевым двором, «случайным станом», который постепенно разрастался, а при Иване Грозном стал на время фактической столицей государства.

Долгое время считалось, что от двора Василия III осталась только небольшая Покровская церковь, а три другие и остатки каменных палат принадлежат эпохе Ивана Грозного, который сделал Александрову слободу своим опричным двором. В 1940-е годы археолог А.С. Полонский выявил внутри Распятской колокольни более раннее столпообразное здание, которое было отнесено им к первому строительному периоду. Тем самым двор Василия III оказался представлен уже двумя храмами.

В 1950-е годы стало известно о переосвящении церкви, произошедшем предположительно в конце XVII – XVIII вв.⁹, и тогда стало ясно, что Покровская церковь, освещенная в 1513 году, это не маленький домовый храм, а огромный собор, лишь немногим уступающий размерами Архангельскому и Успенскому соборам Московского Кремля.

В 1980-е – 1990-е годы В.В. Кавельмахер, проводивший археологические раскопки в Слободе, доказал, что все четыре церкви и окружающие их палаты были возведены в одном строительном периоде. Основанием такого вывода послужило тождество строительного материала, единого для всех четырех храмов колористического решения фасадов, резьбы церковных порталов, поясов и карнизов, единый уровень подклетов и погребов, уровень

каменных столбов, на которые опирались переходы и гульбища – перед нами «остатки единого, подчиненного общему замыслу грандиозного архитектурного ансамбля». В.В. Кавельмахер датировал его временем Василия III, т.е 1509 – 1513 годами. К эпохе Ивана Грозного он отнес только перестройку колокольни и пристройку к небольшой Троицкой церкви трапезной – сравнительно небольшие работы, которые были зафиксированы свидетельствами иностранцев и, как полагал археолог, долгое время принимались как доказательство строительства всего ансамбля при Иване Грозном.

С.В. Заграевский привел дополнительные архитектурно-археологические данные в пользу ранней датировки ансамбля Александровской слободы на основании анализа строительной техники, характера кирпича, качества связующего, глубины культурного слоя и т.д. С.В. Заграевский предположил, что зодчим первых храмов Слободы был строитель Архангельского собора в Московском кремле – Алевиз Новый¹⁰.

В.В. Кавельмахер настаивал на том, что двор Василия III в Александровской слободе приобрел государствообразующие функции не постепенно на протяжении XVI века, а сразу, в момент своего создания. Церкви, находящиеся на большом удалении друг от друга, что прежде трактовалось как свидетельство разновременности постройки, задают, по мнению В.В. Кавельмахера, пространственный масштаб ансамбля, соответствующий «масштабу события».

В.Д. Назаров отмечал, что строительство Василием III новой Слободы велось во время постоянных и масштабных военных действий – во время неудачной многомесячной осады Смоленска, разорительных набегов отрядов Крымского хана, похода на Псков. Сооружение резиденции в таких условиях свидетельствовало о том значении, которое придавалось строительству. В это же самое время произошла знаменательная дипломатическая победа – в предварительном тексте договора России со Священной Римской империей великий князь впервые был поименован императорским титулом «кейзер»¹¹.

В.В. Кавельмахер обращал внимание на то, что ансамбль был возведен по образу московского государева двора: три каменные церкви и церковь «под колоколы». Если Богородичное посвящение Покровской и Успенской церквей продолжало более раннюю средневековую традицию княжеских дворов, то церковь «под колоколы» симптоматична для превращения княжеского двора в государев. Этот новый тип церкви появился на Московском государевом дворе в XIV веке при Иване Калите¹² и развивался, т.е. был актуален, вплоть до царствования Бориса Годунова.

Церковь «под колоколы» исполняла особые функции. В нее свозились «трофейные» колокола покоренных городов и княжеств, с нее звучал главный великокняжеский колокол, которому вторили колокола подвластных князей, в этой церкви отпевали умерших дворян и слуг. В XVII веке такой тип храма станет едва ли не обязательным элементом монастырских ансамблей и городских кремлей, но для начала XVI века появление в Слободе церкви «под колоколы» выглядит прямой параллелью Москве и симптомом государствообразующей функции¹³.

Покровский собор с двумя приделами – прообраз новых программ посвящения храмов – русским святым Баталов. Кавельмахер. От покровского собора с приделами ... лежит путь к церкви, воплощающей образ Небесного Иерусалима как града святынь – к собору Покрова на рву....

В Покровском соборе Александровой слободы помещены символические трофеи – Васильевские ворота, привезенные из новгородского Софийского собора после похода Ивана Грозного на Новгород в 1570 г., и т.н. «Тверские» ворота (они долгое время считались трофеем Тверского похода Ивана Грозного). По атрибуции В.В. Кавельмахера вторые «трофейные» ворота появились в Александровской еще при Василии III, и были привезены из Пскова. Это могла быть важнейшая реликвия Псковского Троицкого собора, вывезенная Василием III после похода 1510 года. Значит Александровская слобода сразу, с самого начала была достойна триумфальных реликвий.

В знак победы Василий III увез из Пскова в Москву вечевой колокол, и через некоторое время возвратил Пскову другой (так было принято), того же веса. Тогда же в Москву был привезен благовестный колокол из псковского Троицкого собора, а через некоторое время его весовой эквивалент возвращен в Псков. В полном соответствии с этой традицией Иван Грозный привел из Новгорода в Александрову слободу блавест Святой Софии (пименовский колокол), а затем отлил в Слободе и вернул в Новгород его весовое подобие¹⁴.

Два государевых двора – в Москве и в Александровской слободе – были аналогичны по своей пространственной организации и по символическим функциям. Причем есть существенные основания полагать, что этот статус Александровская слобода получила по замыслу Василия III.

При Иване Грозном слобода была перестроена, были обновлены деревянные хоромы, появились новые палаты, но церкви остались те же, что свидетельствует об их достаточности – и символической, и функциональной. Наиболее масштабной перестройке подверглась колокольня – «государствообразующий» центр храмового ансамбля. Она была обстроена новыми стенами и новым шатровым верхом, рядом ней пристроили огромную звонницу на столбах. Здесь-то и разместили новгородский пименовский колокол. В.В. Кавельмаер считает, что колокольня Александровской слободы времени Ивана Грозного заметно превосходила своими размерами колокольню Ивана Великого в Москве¹⁵.

От бывших государевых дворов остались топонимические свидетельства, многие из которых восходят к эпохе Василия III. Старый Конюшенный двор, Житный двор, вблизи Успенского монастыря, Коровья и Воловья улицы (вероятно, в связи с коровьим и воловьим двором), Садовая улица, деревня Красная роща (след от Красной рощи – леса, в который «напускали» зверье), сельцо Пастбище. Совсем рядом с нынешними монастырскими стенами – Мамонова слобода – от имени ближних людей Ивана III и Василия III, «советников и подручных исполнителей их замыслов», исполнявших среди

прочего дипломатические поручения Василия III в Казани и Крыму. Осталась Дворская улица – по месту дворов государевых людей, улица Кокуиха и Поднемецкая круча. Деревни и села вокруг Александрова и ближайших уездов Переславля-Залесского и Юрьева-Польского – Сабурово, Годуново, Топорково, Путятино и другие – хранят память о вотчинах ближних государевых людей¹⁶.

Важным аргументом в пользу столичных функций Слободы считаются проходившие здесь приемы послов с соблюдением сложного дипломатического этикета. Василий III принимал здесь послов казанских, князей татарских. «Посольство одного из ханств, возникших на развалинах Золотой Орды и унаследовавшее от нее дипломатический этикет и традиции, чувствительное к малейшему их нарушению, не выразило протеста против приема их в Александровской слободе»¹⁷. Прием в Слободе казанских послов Василием III зафиксирован текстом и миниатюрами Летописного лицевого свода. На миниатюрах изображены самые значимые моменты дипломатического ритуала – прием у великого князя, «отпуск» послов, передача грамот казанскому хану. Иконографическая схема дипломатического приема в миниатюрах Лицевого свода носила царственный характер – изображение дворцовой палаты, где восседает великий князь¹⁸.

Иван Грозный неоднократно принимал послов в Александровской Слободе. «Путешествие в Россию» Якоба Ульфельдта, возглавлявшего датское посольство в 1578 году, содержит рассказ таком приеме. Для книги Ульфельдта были выполнены четыре гравюры – это единственный источник, на котором запечатлена топография государева двора в Александровской слободе. На первой гравюре изображен общий вид Слободы: площадь внутри стен, три церкви, колокольня, каменные палаты. Это своего рода протокол приема послов – маршрут посещения государева двора, где путь послов фланкирован рядами вооруженных лучников. На трех других гравюрах –

прием послов в Тронной палате, пир в Столовой палате и крестоцелование, завершающее дипломатический ритуал.

В.В. Кавельмахер полагал, что гравюры из книги Ульфельда, выполненные спустя некоторое время по возвращении из России, не следует воспринимать как иллюстрации, они «не содержат никакой имеющей отношение к Слободе архитектурной информации». Он предлагал видеть в них фиксацию дипломатического протокола, не более. Другие исследователи, напротив, полагают, что топография государева двора на первой гравюре вполне достоверна – расположение несохранившихся царских палат относительно церковью подтверждается археологическими раскопками, вскрытыми фундаментами каменных построек¹⁹.

Государев двор в Александровой слободе, судя по всему, имел те же три основные части, которые выделял И.Е. Забелин: «покоевые», «непокоевые» (парадные) и хозяйственные (службы). В опричную эпоху холодная «Троицкая церковь на дворце» с теплым приделом Федора Стратилата была центром «покоевой» части двора, это был домовый храм, личная молельня государя. По реконструкции В.В. Кавельмахера Троицкая церковь до ее перестройки в конце XVII века имела заалтарную «казенную» палату – место для хранения главной государевой казны; «царскую келарскую» – малую трапезную палату, предназначенную, возможно для гостевых трапез, жилое теплое подцерковье – роскошно отделанные малые палаты, которые также могли служить для хранения казны – рухлядной, постельной, оружейной. Главный фасад Троицкой церкви обращен на юг – вероятно, здесь и располагались основные хоромные строения покоевой части двора²⁰.

В пару к Троицкой на «покоевой» части двора стояла Успенская церковь со звонницей, тоже на погребках и подклетах. В одной из палат, примыкавших к ней, стояли когда-то изразцовые печи с изображениями двуглавых орлов и царской короны²¹.

Бывший Покровский собор был главной церковью всей Александровской слободы, население которой было весьма многочисленно,

особенно во время пребывания великих князей и государей. Покровская церковь стояла на своеобразной соборной площади, в «городе», на эту же площадь выходили домовые храмы «покоевой» части государева двора – Успенская и Троицкая. Иван Грозный входил в Покровский собор через южные двери, так же как входил в Московский Успенский собор, проходя к царскому месту, стоявшему у правого клироса. Для остальных прихожан были предназначены северные и западные двери. Именно здесь – в месте царского входа в храм – были помещены Васильевские врата²².

Достаточно обширной была парадная «непокоевая» часть государева двора. По свадебным разрядам известна Средняя палата (в Московском Кремле тоже была Средняя палата), где проходили свадебные пиры: в Александровской слободе состоялись две свадьбы Ивана Грозного и свадьба его сына царевича Ивана. Рассказ Упфельда свидетельствует о наличии Тронной палаты (название условное, но функция отчетлива) – то есть в Слободе был комплекс парадных («непокоевых») палат, которые, как и палаты Московского двора, были вовлечены в единый порядок сакрально-символического ритуала государева двора.

На государевом дворе стояли многочисленные деревянные хоромы, дьячьи избы. Когда Иван Грозный прибывал в Слободу в окружении сотен людей – все они размещались в Слободе. В 1558 году, еще в доопричное время, Иван Грозный прибыл в Слободу с боярами, воеводами, детьми боярскими, вернувшимися с театра военных действий. Царь наградил всех прибывших «шубами да кубками, и аргамаками, и конями, и доспехами, и ковшами, и камками, и деньгами», причем все это не было привезено с собой, а находилось в Слободе. Значит, здесь стационарно хранилась часть государевой казны²³. В опричное время в Слободе были печатня, иконописная мастерская, певческая школа, мастерская по отливке колоколов²⁴.

Была у Александровой слободы еще одна важная государствообразующая функция, составлявшая неотъемлемый компонент символической власти Средневековья – Слобда была «богомольная» столица государства.

Александровская Слобода была уподоблена не только Московскому Кремлю, но и Троицкому монастырю, вблизи которого создавалась. Знаменательно уже одно только одновременное освящение церквей – преподобного Сергия Радонежского в Троицком монастыре, патрона и небесного «крестного» Василия III, и Покровской в Слободе в великокняжеской резиденции. Святые ворота с надвратной церковью Преподобного Сергия и ктиторским приделом Василия Парийского были обращены в сторону Новой Слободы, устанавливая поле притяжения в сакральной географии государства.

Покровский собор в Слободе строился по образу и подобию Троицкого собора монастыря: об этом свидетельствуют общая композиция и такие значимые размеры, как длина и ширина соборов, расстояние от западной стены до вимы, высота столбов, высота от пола до замка подпружной арки, высота барабана. Орнаментальные пояса Покровского собора выполнены по образу Троицкого. В.В. Кавельмахер предположил также, что Василий III собирался перенести в Слободу одну из чудотворных реликвий Троицкого монастыря – раку преподобного Сергия, и что именно для этой цели в дьяконнике Покровского собора Слободы был устроен Сергиевский придел²⁵.

С момента своего создания Александрова Слобода стала одним из пунктов остановки великокняжеского поезда – ежегодных «богомольных обходов», которые совершал Василием III²⁶. Согласно летописным данным великий князь «осенновал» здесь дважды в 1528 и 1529 году, последний раз был незадолго до смерти в 1532²⁷. В.Д. Назаров предположил на основании документальных источников шесть длительных посещений Слободы великим князем, но, заметил, что их могло быть гораздо больше²⁸. Иван Грозный бывал в Слободе практически ежегодно, а иногда и дважды в год.

Как отмечает В.Д. Назаров, известия о посещении Троицкого монастыря Василием III и Иваном IV, почти всегда означают и пребывание в Александровской Слободе.

«Осеннование» великого князя – не только темпоральная характеристика, свидетельствующая, что он провел в Слободе осенние месяцы. Она имеет отношение к праздникам православного календаря. Поездки по ближним и дальним усадьбам были приурочены к храмовым праздникам и памяти святых, чествуемых в ближайших монастырях. К годовым и двенадцатым праздникам государи, как правило, возвращались в Москву. «Осеннование» Василия III было приурочено к главному празднику Троице-Сергиевого монастыря – памяти преподобного Сергия Радонежского (25 сентября, здесь и далее по ст. стилю), в Слободе он праздновал главный местный праздник – Покров (1 октября), после Филиппова заговенья (15 ноября) великий князь «поехал по чудотворцам в Переславль, да в Ростов, да в Ярославль, да на Вологду, да на Белозеро в Кириллов монастырь»²⁹. Таков был маршрут 1528 и 1529 годов. На пути из Слободы в Переславль Василий III посещал старца-инока Даниила, основателя Троицкого монастыря, последователя Иосифа Волоцкого. Инок Даниил стал одним из крестных отцов – восприемников наследника Василия III, будущего царя Ивана IV.

«В 1530 году крещен был в Троицком Сергиевом монастыре Царь и Великий Князь Иоанн Василиевич, и по крещении положен был в раку к Преподобному Сергию, а чрез-то яко собственно ему был посвящен, и от того времени сей Благодетельный Государь чрез всю жизнь свою великое усердие имел к Преподобному и обители его: ибо Государь Преподобнаго Сергия всегда почитал особенным своим покровителем, и для того во всех своих походах имел походную церковь во имя Преподобнаго Сергия»³⁰.

Троицкий монастырь имел особые заслуги перед московским княжеским домом, принимал участие во всех крупнейших политических событиях своего времени, был тесно связан с царским двором, был по преимуществу «царским богомольем», – отмечал М.Н. Тихомиров³¹. Почитание Троицы

чрезвычайно значимо для понимания сакральной природы царской власти и способов ее символической легитимации. На фоне череды еретических движений конца XV – XVI вв., в практику которых входило отрицание божественной природы Христа и Троиной ипостаси Бога («Бог един»), отрицание Воскресения и признание Христа «тварью», а не Творцом («умер на кресте и истлел во гробе»), отрицание Богоизбранности Девы Марии («яко же сквози трубу вода, тако же сквозе Марию Деву проиде Христос»), поругание креста и икон, почитание Троицы было отличительным признаком верности православной церкви и апостольской вере³². Вопрос этот в конце XV и на протяжении всего XVI века стоял чрезвычайно остро.

Приверженцы ереси жидовствующих конца XV – начала XVI в., движения нестяжателей в начале XVI в., «новоявившейся ереси» и «соблазна люторовой прелести» середины XVI в. находились в непосредственной близости к трону. Порой великие князья и государи – Иван III, Василий III, Иван IV – сочувственно относились к этим идеям, часто были близки к тому чтобы внять, затем переживали этапы прозрения и укрепления в православии, что и влекло за собой очередные события разоблачения еретиков, суды, казни, ссылки в монастыри на исправления.

Согласно скрупулезному исследованию И.Я. Фроянова, ереси и вины, разбиравшиеся на церковно-государственных соборах конца XV – XVI вв., демонстрируют взаимосвязь интеллектуальных движений, часто инициированных или согласованных на Западе, с попытками реформирования власти – введения выборной монархии по модели Литвы и Польши, прямыми военными вторжениями, изменами и побегам ближних государевых людей. В этом контексте верность Троице была одновременно и верностью исторической судьбе Московского царства, и исполнением долга, возложенного на государя самим Провидением³³.

В советской историографии, трактовавшей политическую историю прошлого в логике атеистического прогресса, ереси XV – XVI вв.

оценивались как свободомыслие, протест против религиозной косности. Современные историки видят эти события иначе. Искоренение ересей составляло актуальное содержание русской культуры, усугубляло ее эсхатологическую и мессианскую суть, ставило идею православного царства и правды православия в разряд наиболее острых и жизненно важных вопросов. Сегодня понятно, что трактовать события политической борьбы XVI века в отрыве от религиозного переживания, означает недопустимую модернизацию прошлого. Борьба с еретиками разворачивалась в остроте эсхатологических переживаний конца времен, и еретики, и гонители ересей жили и действовали в ожидании Второго пришествия и Страшного суда – исход этой борьбы каждый раз упирался в волю государя, обладавшего самодержавной властью. Это и был, судя по всему значимый культурный контекст создания и поддержания великокняжеской и царской резиденции.

На время создания государева двора Василия III в Александровской слободе, приходится целый ряд острых событий религиозно-политической борьбы. Обнаружение ереси в Новгороде в и в Москве в преддверии рассчитанной Пасхалиями даты Страшного суда (1492), церковно-государственные соборы 1503 и 1504 гг. и казни «жидовствующих», появление новых адептов ересей в лице «ближних людей» великого князя – Вассиана Патрикеева, осужденного собором 1531 года, московского митрополита Варлаама. Не угасла острота религиозной борьбы и в царствование Ивана IV.

На этом фоне утверждение государева двора под сенью Троицы (причем буквально «под сенью» – в непосредственной близости к Троицкому монастырю) хочется назвать демонстрацией верности православию. Но с точки зрения мировосприятия Средневековья, где символические идеи существуют и утверждаются в форме практических действий, где символ чрезвычайно конкретен и осязаем, скорее, это был шаг укрепления в вере, акт охранения великокняжеского дома от «еретических мудрствований» и «волхования».

Было время, когда историки описывали отъезд Ивана Грозного из Москвы в Александровскую Слободу как внезапное бегство пошатнувшегося духом царя, как блуждание по подмосковным вотчинам, видели случайность в том, что Александровская слобода стала местом окончательной остановки царского поезда. Исследователи Александровской слободы, в особенности сторонники версии о том, что государев двор со столичными функциями существовал здесь уже при Василии III, понимают ситуацию иначе.

В.В. Кавельмахер, обосновывая государствообразующие функции Александровской Слободы времен Василия III, полагал, что выбор столицы царем Иваном был выбором старого, а не нового места. Л.С. Строганов указал, что со Слободой связано само слово «опричина». В догрозненскую эпоху оно встречалось редко и не имело привычных нам зловещих коннотаций. Опричным назывался вдовый надел великих княгинь. Л.С. Строганов предположил, что новая Александровская слобода стала опричным наделом Елены Глинской, матери Ивана Грозного, после скоропостижной смерти Василия III. Вскоре после смерти великого князя ею были предприняты строительные работы в Александровской – возведены деревянные стены вокруг государева двора. «Не только весь комплекс дворцовых построек был завершен в Александровской слободе до Ивана Грозного, но и был он окружен рвом и земляным валом с деревянной крепостной стеной при его материи, великой княгине Елене Глинской», полагает Л. С. Строганов³⁴.

Судя по всему вотчинная роль Александровской слободы как надела, предназначенного женщинам из царской семьи, сохранялась долго, о чем свидетельствует переход Слободы во владение вдовствующей императрицы Екатерины Алексеевны, а затем ее дочери – Елизаветы Петровны.

Топография пути Ивана Грозного из Москвы в Александровскую слободу в 1564 году представляла собой вовсе не блуждание, но была исполнена

символического содержания. Приведем пространную цитату из книги И.Я. Фроянова.

«Накануне отъезда он велел митрополиту Афанасию совершить службу в Успенском соборе, построенном заботами митрополита Петра – святого покровителя рода московских князей. Царь Иван в главном храме России молил о помощи Пресвятую Богородицу и святого Петра. И только после этих молений государь отправился в дорогу. Свой путь он рассчитал так, чтобы в селе Коломенском отпраздновать Николин день и помолиться святому чудотворцу Николаю – одному из наиболее почитаемых у христиан святых, «скорому помощнику и изрядному ходатаю перед Богом». Иван IV нуждался именно в скорой помощи и поэтому приурочил время своего пути в Александровскую слободу к празднованию дня Николы-чудотворца, чтобы испросить у святого эту быструю помощь. Отпраздновав день Николая-угодника в селе Коломенском, царь поехал в село Тайнинское, где находился несколько дней. <...> Из Тайнинского государь выехал в Троице-Сергиев монастырь, желая успеть ко дню памяти чудотворца Петра-митрополита и поклониться святому.

Моление святому Петру – акт не случайный и предусмотренный, по-видимому, заранее, поскольку митрополит Петр, перенесший митрополичью кафедру из Киева в Москву во времена Ивана Калиты, пользовался особым почитанием потомков великого князя как покровитель рода Калитичей и Московского государства. <...> Святой Петр благословил князя и весь род его своим шейным крестом, которым московские князья благословляли старших сыновей своих, наследников княжеского престола».

Получил благословение «шейным крестом» Петра и младенец Иван IV. <...> Таким образом, моление святому Петру-митрополиту приобретало для Ивана Грозного особое значение, если учесть тот раздор, который возник между ним и княжеско-боярской знатью, поддержанной святителем Афанасием. Царь, припадал к защитнику и покровителю рода московских князей, моля его о сохранении трона и преемственности царской власти, о попраии и расточении своих врагов. Нет сомнений, это моление предполагалось заранее, еще до отъезда государя из Москвы, являясь частью задуманного предприятия. Оно, собственно, началось со службы в Успенском соборе, возведенном некогда по совету митрополита Петра, и было продолжено в Троице-Сергиевом монастыре в день памяти святого.

<...> Отправляясь в Троице-Сергиев монастырь, царь Иван безусловно, хотел испросить и молитвенной помощи основателя обители святого Сергия Радонежского, и высокого покровителя, Того, кому монастырь был посвящен, - Триипостасного Господа Бога. <...> Грозный, покинувший Москву, нуждался в утверждении порядка владения великокняжеским и царским престолом, пошатнувшимся вследствие боярской крамолы и, конечно же, просил святого Сергия об этом утверждении, совершая моление в основанной им обители. Наконец, молитвами в Троице-Сергиеве монастыре Иван Грозный свидетельствовал перед миром о своей непоколебимой вере в Троицу, демонстрируя тем решимость «христианскую православную веру держать крепко» и «за нее страдать крепко и до смерти». Это было особенно важно и актуально, поскольку на Руси той поры имело место неверие в Троицу, проповедуемое еретиками. Грозный, таким образом, выступал ходатаем перед Богом и святыми за православную веру и русское самодержавство»³⁵.

В последнее время происходит переосмысление фигуры Ивана Грозного и того типа власти, персонификацией которого он является. Долгое время практически безраздельно господствовала психологическая модель объяснения, согласно которой жесткость Ивана Грозного производна от индивидуальной психологии или психопатологии, а опричнина есть своего рода травма русской истории. Как отмечал А.Н. Панченко, такой подход означает отказ от научной интерпретации³⁶.

В.В. Кожинов обратил внимание на то, что представления о патологической жесткости Ивана Грозного есть не более чем историографический миф, который не выдерживает сравнительного анализа. Так, число жертв опричнины, продолжавшейся около 10 лет, по свидетельствам современников колеблется от 400 до 10 000 человек. Р. Г. Скрынников считает достоверным число в 3 – 4 000 казненных. В тоже время в одну только Варфоломеевскую ночь в Париже погибло около 3 000 гугенотов. «Ночь» имела продолжение, пишет В.В. Кожинов, и во Франции в течение ближайших двух недель было убито около 30 000 протестантов. В те годы, когда в России была опричнина, в результате действий Инквизиции в одних только Нидерландах было казнено около 100 000 человек.

«Зловещий лик Ивана Грозного должен ... совершенно померкнуть рядом с чудовищными ликами Филиппа II, Генриха VIII и Карла IX»³⁷. Даже если мерить жестокость XVI века мерками века XX (а именно это, как правило, и происходит), Иван Грозный явно уступает европейским правителям.

В.Л. Юрганов полагающий, что интерпретация исторических событий должна основываться на анализе смысловых структур средневекового сознания, показал, что феномен опричнины и ужасы опричных казней теснейшим образом связаны с эсхатологическим переживанием судьбы царства и принятием государева долга как борьбы за веру. Опричные казни с расчленением тел, травлей дикими зверями, низвержением горящих тел в ледяную воду – были воплощением адских мук грешников, причем современникам эсхатологический смысл опричных казней был понятен. В эсхатологическом контексте становления государственности преданность царю понималась как благочестие, предательство как отступничество, а царская ярость как Божий гнев, который был не просто правом царя, а его долгом³⁸.

Для Ивана Грозного, как и для Василия III, возможность скорого конца мира была реальностью, и многие события государственной истории были непосредственно связаны с эсхатологическим календарем. Приведем еще одну пространную цитату, на этот раз из В.Л. Юрганова, напомнив предварительно следующее. Одной из дат ожидаемого конца времен был 1492 год, завершавший седьмое тысячелетие от Сотворения мира, особое значение в таком календаре придавалось седмицам, и 70 год восьмой тысячи лет тоже был исполнен ожиданием Страшного суда. Но при всем том «никто не весть числа веку», кроме Бога Отца и конец света мог наступить «во всякое время»:

«Иван Грозный видел свою главную роль в наказании зла «в последние дни» перед Страшным судом. Мы никогда до конца не узнаем, в какой момент и почему царь решил ввести опричнину. Одно можно сказать достаточно определенно: пассивно ждать он не мог, будучи абсолютно

убежден в своей особой миссии. «Аз же убо верую, о всех своих согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится». Прошел 7070 (1562) год. Зло и беззаконие нарастают; каков же выход? Вся русская история, создавшая особый тип сакрализованной монархии, подвела его к мысли начать собственную борьбу со злом, как он его понимал. Промежуток между 1562 г. и известным нам по источникам началом опричнины составляет около трех лет. В Откровении Иоанна Богослова несколько раз подчеркивается, что перед Вторым пришествием будет период ожесточенной борьбы сил добра и зла. Хронологически он был точно определен. Три с половиной года, или 1260 дней, будет, по словам Андрея Кесарийского, «владычествовать отступление». К цифре этой относились чрезвычайно серьезно. В завершающем геннадиевскую Библию тексте находим «Раздрешение неизреченного откровения»: в последнее время «отрешится сатана по праведному суду Божию и прельстит мир до реченного ему времени, еже три и пол лета, и потом будет конец»³⁹.

В опричнине, делает вывод В.Л. Юрганов, царь возложил на себя особые пастырские функции, которые были понятны и приняты многими в силу традиционной сакральности власти на Руси⁴⁰. Этим может быть объяснен и архиерейский тип Троицкой церкви с палатами, и сам образ жизни государева двора времен Ивана Грозного в Александровской слободе. «Грозный объявил себя игуменом, а опричников братией. Они выходили на молитву в черных монашеских одеяниях, под которыми скрывались шитые золотом кафтаны и бряцало оружие; за общей трапезой царь читал поучения. Всенощные бдения сменялись шумными пирами, приемами послов, вершением государственных дел»⁴¹.

Единственно в чем хотелось бы возразить В.Л. Юрганову, ко времени царствования Ивана Грозного тип сакрализованной монархии еще не был традицией. Иван Грозный не получил сакральность власти «в готовом виде». Такой тип власти был лишь возможностью русской культуры во время Ивана III, Василия III, Ивана IV, был символическим императивом средневековой картины мира. Но в том, что он действительно стал традицией,

утвердившейся в самом сердце государственности, велика роль конкретных личностей – и самого царя, и его противников, велика роль конкретных событий – ответов на эсхатологический вызов времени.

Следует заметить, что сакрализация власти в Европе и России имела разную историю и вела к существенным различиям в содержании политической культуры. В европейских монархиях сакральность власти сыграла важную роль во внутренней расстановке сил, преграждая путь к трону «братьям короля» – лицам, способным сравняться с королем знатностью рода, обеспечивала королю, поставленному над сословной иерархией, возможность «балансировать» между сословиями. В культурной перспективе сакральность стала «аргументом» в пользу права как основы государственного устройства – от права престолонаследия к праву как универсальному безличному закону⁴².

В русской культуре представления о сакральном характере царской власти были связаны, прежде всего, с осмыслением русской истории, а не личности монарха. Исторические события второй половины XV – XVI веков переживались в контексте Священной истории как завершение одного временного цикла и начало другого, благодаря чему Московское государство было понято как воплощение священного царства⁴³. Б.А. Успенский подчеркивал, что именованная государства царством, а государя царем не были и не могли быть актами волюнтаризма, но имели «несомненный религиозный аспект»⁴⁴.

Мессианская трактовка истории государства как судьбы ставила во главу угла не право, а правду – истинность власти. С этим связан феномен самозванчества, как следствие противопоставления подлинного, истинного, царя и царя «ложного». Если, как отмечал М. Блок, в европейских монархиях после процедуры помазания претензии на трон прекращались, то в России самозванцы появились только после того, как в церемонию поставления на царство вошло миропомазание⁴⁵. В основе феномена самозванчества, сопровождавшего историю русской монархии от XVII до XIX века, лежал

религиозный мотив прозрения, угадывания Божественного промысла⁴⁶. Религиозную природу имело понимание государевой службы. Культура допетровского времени отличалась неконвенциональным отношением к знаку – слова и поступки понимались эманацией истины, поэтому близость к государю расценивалась как праведность, истинность, а измена – как ложь и кощунство.

Как писал Б.А. Успенский, Московская Русь была понята сначала как Иерусалим, и лишь затем как новый Рим, то есть концепция сакральности определяла устройство государства⁴⁷. Осуществление самодержавной власти было не правом монарха, а долгом, врученным ему Провидением.

В этом смысле «богомольная» Александровская слобода действительно претендует на статус второй столицы молодого Московского царства. Проблема статуса Александровской слободы как памятника русского Средневековья имеет значение не только в иерархии объектов культурного наследия, в определении уровня подчинения и т.п. практических задач (эти вопросы обсуждаются сотрудниками музея и соответствующих органов власти). В современной культуре, в которой поставлен под сомнение государственный суверенитет, важно понимание истории России и опыта российской государственности. Апеллируя сегодня к истории, творцы современной государственности часто занимаются реутилизацией исторического наследия, подверстывают его под актуальные (и не всегда научно обоснованные) интересы. Между тем, опыт государственности, понятый в категориях исторической типологии культуры, в модели смысловых структур историко-культурных эпох, дает возможность понять завет, доставшийся нам в наследие. Потомки вольны его принять или отвергнуть, но и в том, и в другом случае, должны представлять себе, что именно они принимают или отвергают.

¹ *Архимандрит Леонид (Кавелин)*. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского монастыря в г. Александрове. – СПб.: Типогр. Акад. наук, 1884. – С. 5-6.

² *Тихонравов К. Н.* Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии и археологии Владимирской губернии. – М., 1857. – С. 99.

- ³ *Архимандрит Леонид (Кавелин)*. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского монастыря в г. Александрове. – СПб.: Типогр. Акад. наук, 1884. – С. 37.
- ⁴ *Стругалина Л.Н.* Белокаменные розетки архитектурного ансамбля Александровской слободы // *Зубовские чтения*. Вып. 2. – Струнино, 2004. – С. 153–159.
- ⁵ *Стромилов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровской слободе и Успенский девичий монастырь в то же время. – М., 1874. – С. 24.
- ⁶ *Архимандрит Леонид (Кавелин)*. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского монастыря в г. Александрове. – СПб.: Типогр. Акад. наук, 1884. – С. 62.
- ⁷ *Стромилов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровской слободе и Успенский девичий монастырь в то же время. – М., 1874.
- ⁸ *Яковлева О.А.* Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV: К вопросу о переименовании архитектурных памятников // *Труды института истории естествознания и техники*. – М., 1956. – Т. 7.
- ⁹ Переименование церквей в эпоху Петра I было частым явлением, но не всегда отражалось в документах. Не зная об этом, историки XIX и первой половине XX века принимали за храм Василия III небольшую Покровскую церковь (бывшую Троицкую), что способствовало представлению об Александровской слободе времени Василия III как небольшой частной усадьбе. *Яковлева О.А.* Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV: К вопросу о переименовании архитектурных памятников // *Труды института истории естествознания и техники*. – М., 1956. – Т. 7. – С. 170; *Кавельмахер В.В.* Церковь Троицы на Государевом дворе древней Александровской слободы // *Памятники архитектуры древней Александровской слободы: Сб. статей*. Владимир, 1995. – С. 19–74.
- ¹⁰ *Заграевский С.В.* К вопросу о датировке и авторстве памятников Александровской слободы // *Зубовские чтения*. Сб. научных статей. Вып. 3. – Струнино, 2005. – С. 69–92. Заметим, что полемика по поводу датировки ансамбля находится сейчас в самом разгаре. Такие известные историки архитектуры как А. Баталов и С. Подъяпольский склонны датировать ансамбль временем Ивана Грозного.
- ¹¹ *Назаров В.Д.* Александровская слобода в истории Российского государства XVI века // *Александровская слобода: Материалы научной конференции*. – Владимир, 1995. – С. 7–17.
- ¹² *Кавельмахер В.В., Т.Д. Панова.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского кремля // *Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв.* – М., 1995. – С. 66.
- ¹³ *Кавельмахер В.В.* Большие благовестники Москвы XVI–первой половины XVII-го века // *Колокола. История и современность*. 1990. – М., 1993. – С. 75–118.
- ¹⁴ *Кавельмахер В.В.* Бронзовые двери византийской работы из новгородского Софийского собора в Александровской Слободе. Еще раз о происхождении Тверских врат // *Зубовские чтения*. Вып. 1. – Владимир, 2002. – С. 74.
- ¹⁵ *Кавельмахер В.В.* Государев двор в Александровской слободе (опыт реконструкции) // *Якоб Ульфельдт. Путешествие в Россию*. – М., 2002. – С. 472
- ¹⁶ *Погодин С.С.* Из прошлого Александровского уезда. – Александров, 1928. – С. 9; *Стромилов Н.С.* Александрова слобода до Грозного. – М., 1884. – С. 10–11; 72–80; *Тихонравов К. Н.* Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии и археологии Владимирской губернии. – М., 1857. – С. 96.
- ¹⁷ *Назаров В.Д.* Александровская слобода в истории Российского государства XVI века // *Александровская слобода: Материалы научной конференции*. – Владимир, 1995. – С. 13. Подробнее о значимости дипломатических ритуалов для «чести государевой» см.: *Юзефович Л.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. – СПб., 2007.
- ¹⁸ *Соснина Е.В.* Миниатюры Шумиловского тома об истории Александровской слободы // *Зубовские чтения*. Вып. 3. – Струнино, 2005. – С. 116–124.
- ¹⁹ *Антонов В.А., Хорошкевич А.Л.* Якоб Ульфельдт и его записки о России // *Якоб Ульфельдт. Путешествие в Россию*. – М., 2002; *Масловский А.* Якоб Ульфельдт и его гравюры // *Александровская слобода: Историко-литературное художественное издание / Ред.-сост. Е. Викторов*. – Александров, 1998. – С. 248–250; *Рыбаков Б.А., Николаева Т.В.* Александрова слобода Ивана Грозного // *Археологические открытия 1971 года*. – М., 1972. – С. 110.
- ²⁰ *Кавельмахер В.В.* Церковь Троицы на Государевом дворе древней Александровской слободы // *Александровская слобода. Материалы научно-практической конференции*. – Владимир, 1995.
- ²¹ *Труды Владимирской ученой архивной комиссии*. Кн. VI. – Владимир, 1904. – С. 73–74; *Яковлева О.А.* Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV: К вопросу о переименовании архитектурных памятников // *Труды института истории естествознания и техники*. – М., 1956. – Т. 7. – С. 174.
- ²² *Яковлева О.А.* Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV: К вопросу о переименовании архитектурных памятников // *Труды института истории естествознания и техники*. – М., 1956. – Т. 7. – С. 166
- ²³ *Назаров В.Д.* Александровская слобода в истории Российского государства XVI века // *Александровская слобода: Материалы научной конференции*. – Владимир, 1995. – С. 14.
- ²⁴ *Архимандрит Леонид (Кавелин)*. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского монастыря в г. Александрове. СПб.: Типогр. Акад. наук, 1884. – С. 9; Легенды и были Александровской слободы. – Владимир, 2006.

-
- ²⁵ Кавельмахер В.В. Покровский собор Александровой слободы и его место в истории русской архитектуры XVI века // Древности Александровой Слободы. - М., 2008. - С. 26 – 30.
- ²⁶ *Стромилов Н.С.* Александрова слобода до Грозного. – М., 1884. – С. 2–3.
- ²⁷ Там же. – С. 86
- ²⁸ *Назаров В.Д.* Александровская слобода в истории Российского государства XVI века// Александровская слобода. Материалы научно-практической конференции. – Владимир, 1995. – С. 13 – 14.
- ²⁹ *Стромилов Н.С.* Александрова слобода до Грозного. – М.: Об-во истории и древностей Российских при Моск. Ун-те, 1884. – С. 86; 106.
- ³⁰ Краткое историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры / Соч. оныя лавры наместником иеромонахом Павлом. –СПб., 1782. - С. 40.
- ³¹ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. – М., 1962. – С. 135
- ³² Подробнее: *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: На путях к Опричнине. – М., 2007. – С. 90 – 92, 146 и др.
- ³³ Подробнее: *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: На путях к Опричнине. – М., 2007.
- ³⁴ *Строганов Л.С.* К вопросу об омонимизации термина «опричнина» в царствование Ивана Грозного // Александровская слобода: Материалы научной конференции. – Владимир, 1995. – С. 161.
- ³⁵ *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: На путях к Опричнине. – М., 2007. – С. 853 – 856.
- ³⁶ *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Первый: концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – М., 2002. – С. 457.
- ³⁷ *Кожин В.В.* История Руси и русского слова. – М., 1997. - С. 28.
- ³⁸ *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. - М., 2003. - С. 68-115.
- ³⁹ *Юрганов В.Л.* Категории русской средневековой культуры. – М., 1998. – С. 372 – 373.
- ⁴⁰ Там же. – С. 374.
- ⁴¹ *Воронин Н.Н., Ильин М.А.* Александров // *Воронин Н.Н., Ильин М.А.* Древние Подмосковье. Памятники зодчества XV – XVIII веков. - М., 1947. – С. 44.
- ⁴² *Бурдые П.* От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – М.; СПб., 2001.
- ⁴³ *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва-Третий Рим» // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. – СПб., 2002. – С. 89 –148.
- ⁴⁴ *Успенский Б.А.* Царь и самозванец // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. – СПб., 2002. – С. 152.
- ⁴⁵ *Успенский Б.А.* Царь и самозванец // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. – СПб., 2002. – С. 151.
- Также см.: *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. – СПб., 2000. – С. 28 –36.
- ⁴⁶ *Плюханова М.Б.* О некоторых чертах личностного самосознания в России XVII века // Художественный язык Средневековья. – М., 1982. – С. 184 – 200.
- ⁴⁷ *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва-Третий Рим» // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. – СПб., 2002. – С. 147.